

УДК 81'38+81'271.2+81'23'. DOI: 10.26170/2071-2405-2026-31-1-17-26.
ББК Ш105.2+Ш105.5+Ш100.6.
ГРНТИ 16.21.27. Код ВАК 5.9.8

АКТУАЛЬНЫЙ ГРАММАТИКОН КАК ДИНАМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА: ОПЫТ КОРПУСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В СВЕТЕ ИДЕЙ А. А. ПОТЕБНИ

Красноперова Е. С.

Уральский государственный педагогический университет
(Екатеринбург, Российская Федерация)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9675-1367>

SPIN-код: 8894-3330

А н н о т а ц и я . Статья посвящена исследованию актуального грамматикона языковой личности в свете философско-лингвистической идеи А. А. Потебни о языке как «слагающей мир деятельности». В работе предлагается операционализация этой идеи через синтез теоретической концепции ассоциативно-вербальной сети Ю. Н. Караулова и понятия актуального грамматикона с современными корпусными методами. В качестве ключевого диагностического инструмента выступает грамматический профиль слова – частотное распределение его форм в дискурсе, отражающее реальные когнитивно-коммуникативные потребности носителя языка. На материале трех сбалансированных корпусов (детская речь, устная речь взрослых, цифровой дискурс) проведен сравнительный анализ грамматических профилей пяти ключевых лексем детского актуального грамматикона («хотеть», «смотреть», «любить», «мама», «машина»). Выявлены и интерпретированы системные различия в функционировании грамматических форм в грамматиконах трех разных типов языковой личности. Детская речь характеризуется неразвитостью абстрактных категорий, функциональным синкретизмом и эгоцентрической ориентацией, что находит свое выражение в предпочтительном использовании грамматических форм глаголов. При этом деятельностный характер освоения языка проявляется в активном конструировании грамматических форм. В устной речи взрослых наблюдается дифференциация грамматического инструментария: выравнивание частотности форм, расширение глагольной парадигмы за счет форм прошедшего времени, инфинитива и множественного числа, что обеспечивает возможности для рефлексии и выражения групповой идентичности. Цифровой грамматикон демонстрирует функциональную специализацию: редукцию отдельных форм при доминировании коммуникативно релевантных конструкций и использовании инноваций. Значимым индикатором трансформации выступают лакуны: в детской речи они маркируют неосвоенные грамматические категории, а в цифровом дискурсе отражают изменение коммуникативных норм. Результаты могут быть использованы в онтолингвистике, теории дискурса и лингводидактике. Исследование грамматического профиля открывает новые возможности для диагностики речевого развития и исследования трансформации языковой личности. Показано, что грамматический профиль может использоваться как инструмент изучения актуального грамматикона, представляющего собой динамическую систему, адаптирующуюся под когнитивные и коммуникативные потребности языковой личности.

К л ю ч е в ы е с л о в а : А. А. Потебня; языковая личность; актуальный грамматикон; грамматический профиль слова; лакунарность; корпусные исследования; детская речь; устная речь; цифровой дискурс; речевой онтогенез; философско-лингвистические идеи

Д л я ц и т и р о в а н и я : Красноперова, Е. С. Актуальный грамматикон как динамическая система: опыт корпусного исследования в свете идей А. А. Потебни / Е. С. Красноперова // Филологический класс. – 2026. – Т. 31, № 1. – С. 17–26. – DOI: 10.26170/2071-2405-2026-31-1-17-26.

A PERSONAL GRAMMAR INVENTORY AS A DYNAMIC SYSTEM: A CORPUS-BASED STUDY IN THE LIGHT OF A. A. POTEBNYA'S IDEAS

Evgeniya S. Krasnoperova

Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russian Federation)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9675-1367>

A b s t r a c t . This article examines a grammar inventory of a linguistic personality through the lens of A. A. Potebnya's concept of language as "a world-forming activity." The study suggests implementing this idea through synthesizing Yu. N. Karaulov's theory of the associative-verbal network and the concept of the personal grammar inventory with modern corpus methods. The personal grammar inventory is considered to be the key diagnostic tool. It registers the frequency distribution of its forms in discourse, which reflects the speaker's specific cognitive and communicative needs. The study carries out a comparative analysis of the grammar profiles of five key lexemes of children's personal grammar inventory *khotet'* (want), *smotret'* (look), *lyubit'* (love), *mama* (mom), and *mashina* (car) on the material of three balanced corpora representing children's speech, adult oral speech, and digital discourse. The article has revealed systemic differences in the functioning of grammatical forms in the personal grammar inventories of the three different linguistic personality types. Children's speech is characterized by underdeveloped abstract categories, functional syncretism, and egocentric orientation, which finds its expression in the predominant use of verb forms. And the activity-centered nature of language acquisition is manifested through the active construction of grammatical forms. Adult oral speech demonstrates a differentiation of grammatical tools: distribution of forms becomes more balanced, and the verbal paradigm expands through the increased use of past tense forms, infinitives, and plural forms, providing opportunities for reflection and expression of group identity. Conversely, the digital grammar inventory demonstrates functional specialization: reduction of certain forms with the dominance of communicatively relevant constructions and use of innovations. Grammatical lacunae serve as a significant indicator of this transformation: in children's speech, they mark unacquired grammatical categories, while in digital discourse,

they reflect a shift of communicative norms. The findings can be used in ontolinguistics, discourse theory, and linguodidactics. Exploration of the grammar profile opens up new vistas for the diagnostics of speech development and investigation of transformations of the linguistic personality. The study demonstrates that grammar profile can be used as an effective tool for investigating the personal grammar inventory, which is a dynamic system that adapts to the cognitive and communicative needs of the linguistic personality.

Keywords: A. A. Potebnya; linguistic personality; personal grammar inventory; grammar profile of a word; lacunarity; corpus-based studies; children's speech; oral speech; digital discourse; speech ontogenesis, philosophical-linguistic idea

For citation: Krasnoperova, E. S. (2026). A Personal Grammar Inventory as a Dynamic System: A Corpus-Based Study in the Light of A. A. Potebnya's Ideas. In *Philological Class*. Vol. 31. No. 1, pp. 17–26. DOI: 10.26170/2071-2405-2026-31-1-17-26.

Введение: к постановке проблемы

Развитие современных лингвистических исследований, в том числе связанных с цифровыми корпусными методами, не исключает диалога с классической теорией. В этом контексте одна из ключевых идей А. А. Потебни, сформулированная в работе «Мысль и язык», о языке как средстве создания мысли – не отражении мира, а деятельности, его «слагающей» (цит. по: [Звегинцев 1964: 141]), – получает второе дыхание. Настоящее исследование строится на синтезе философско-лингвистической концепции А. А. Потебни, теории ассоциативно-вербальной сети и современной корпусной методологии. Это позволяет операционализировать базовое положение А. А. Потебни о языке как «слагающей деятельности» для решения конкретной исследовательской задачи – диагностики актуальной грамматической способности.

Исходным постулатом является тезис А. А. Потебни о том, что язык есть средство не выражать готовую мысль, а создавать ее. Следовательно, грамматика, будучи несущим каркасом языка, представляет собой не статичный свод правил, а динамическую способность грамматического оформления мысли. Эта способность функционирует не в идеальном системном пространстве, а в индивидуальном сознании, что требует перехода на уровень языковой личности.

Такой переход обеспечивает теория ассоциативно-вербальной сети, разработанная Ю. Н. Карауловым. Ассоциативно-вербальная сеть трактуется как динамическая модель языка, хранящегося в сознании носителя, где грамматика существует в лексикализованном и диссипированном виде – в форме конкретных словоформ-образцов [Караулов 2018: 6–7] (ср. с постулатом А. А. Потебни («Из записок по русской грамматике. Об изменении значения и заменах существительного»), что лексическое значение слова и его грамматическая форма «составляют как бы один акт мысли, а не два или более и живут в сознании говорящего как неделимая единица» (цит. по: [Звегинцев 1964: 158])). Совокупность таких грамматических форм, актуальных для индивида, адаптированных под его когнитивные и коммуникативные потребности, и составляет его актуальный грамматикон – функциональное ядро, обеспечивающее базовые процессы речепорождения и речевосприятия [Караулов 2018; Коновалова, Красноперова 2020].

Для более глубокого понимания механизмов усвоения и вариативности грамматики в разных типах дискурса необходим инструмент, позволя-

ющий диагностировать реализацию грамматической компетенции в реальной речевой практике. Таким инструментом может стать грамматический профиль слова – частотное распределение форм словоизменения, которое описывает «поведение» отдельных лексем в корпусе русского языка [Ляшевская 2014: 7; Норман, Мухин 2018: 189] или характеризует возрастные срезы детской речи в типовых коммуникативных ситуациях [Корнев, Балчюниене, Воейкова и др. 2016]. Грамматический профиль отражает «особую – выборочную – парадигму словоизменения» конкретной лексики [Норман 2016: 107], сформированную дискурсивным опытом социума, в котором проявляется «реальный круг когнитивных и коммуникативных потребностей человека» [Там же: 99].

Данное исследование исходит из гипотезы, что грамматический профиль слова является диагностическим «слепком» работы грамматической способности. Сравнительный анализ профилей лексем в разных типах речи позволяет реконструировать динамику «грамматического мышления» – от его становления в онтогенезе до трансформации в условиях цифровой коммуникации.

Цель работы – на материале корпусов детской, устной взрослой и цифровой речи продемонстрировать эвристический потенциал грамматического профиля для исследования динамической природы актуального грамматикона.

Задачи исследования:

- провести сравнительный анализ грамматических профилей лексем, входящих в актуальный грамматикон, с использованием данных корпусов с грамматической разметкой;
- выявить и сопоставить структуру актуального грамматикона (ядро, лакуны, дискурсивно-специфичные формы) для трех типов языковых личностей: ребенка, взрослого и носителя цифрового дискурса;
- интерпретировать выявленные различия как отражение когнитивных и коммуникативных стратегий, реализуемых посредством грамматики.

Этот подход методологически согласуется с постулатом Т. А. Гридиной о том, что «грамматические образцы, явленные в словоформе, закрепляются вместе с актуальным значением данной словоформы – в опоре на некий предметный эталон и формальный образец» [Гридина 2017: 112]. Анализ профиля позволяет выявить эти «образцы» в масштабе целого дискурса.

Таким образом, работа реализует исследовательскую программу, в которой корпусные данные становятся основой для верификации философско-

лингвистического тезиса А. А. Потебни: грамматический профиль слова делает видимым, как «содержание мысли» относится к «сознанию» говорящего в его грамматическом аспекте (цит. по: [Звегинцев 1964: 139]).

Методы и материалы исследования

Для проведения анализа были отобраны три сбалансированных корпуса с грамматической разметкой, репрезентирующие разные типы языковых личностей.

Для изучения детской речи используется авторский грамматический корпус, созданный на основе лонгитюдных записей высказываний детей в возрасте от 2 до 5 лет (период записи 2005–2011 гг.), собранных В. К. Харченко [1994; 2012]. Общий объем корпуса составляет 56 560 словоупотреблений, структурированных по субъекту речи и возрастным периодам. Подготовка текстов включала очистку от авторской разметки, автоматизированную грамматическую разметку с помощью программы MuStem, количественный анализ в программе AntConc, ручное снятие грамматической омонимии и верификацию результатов (в том числе при квалификации детских грамматических инноваций). Итоговая база данных содержит словоформы, леммы, части речи, полный набор грамматических признаков и частотность употребления; структура данных соответствует формату Национального корпуса русского языка.

Устная речь взрослых представлена материалами устного подкорпуса Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ¹) со снятой грамматической омонимией (50 537 слов, 2001–2005 гг.), содержащего расшифровки бытовой и публичной устной речи.

Цифровой дискурс исследуется по данным подкорпуса основного корпуса НКРЯ со снятой вручную грамматической омонимией (84 986 слов, 2004–2011 гг.), который содержит нехудожественные тексты электронной коммуникации (блоги, форумы, комментарии).

Критериями отбора лексем для анализа являлись частотность, грамматическая вариативность (принадлежность к части речи с широкой парадигмой формоизменения) и дискурсивная релевантность (универсальность для разных типов общения). Для пилотного исследования были выбра-

ны 5 лексем, частотных в детской речи и входящих в разных своих формах в актуальный грамматикон ребенка: 3 глагола (хотеть, смотреть, любить) и 2 существительных (мама, машина).

Методика анализа включала следующие этапы:

1. Для каждой лексемы во всех трех корпусах были построены частотные таблицы всех грамматических форм.

2. На основе этих данных выявлены ядерные грамматические формы (наиболее частотные в каждой группе), дискурсивно-специфичные формы (демонстрирующие значимые перепады частотности между корпусами) и лакуны (частота менее 1 % или полное отсутствие формы).

3. Проведена статистическая проверка полученных данных:

– Критерий χ^2 для сравнения частотности форм.

– Кластерный анализ для группировки схожих профилей.

4. Проведен сравнительный анализ полученных профилей, направленный на установление закономерностей, отражающих когнитивные и коммуникативные стратегии разных типов языковых личностей.

Предложенная методика позволяет перейти от анализа теоретической модели к измерению ее количественных параметров, делающих работу грамматической способности доступной для строго лингвистического наблюдения.

Результаты

Сравнительный анализ грамматических профилей пяти ключевых лексем в трех типах дискурса позволяет выявить системные закономерности в работе актуального грамматикона.

Грамматический профиль глагола «хотеть» наиболее рельефно демонстрирует направления адаптации актуального грамматикона под когнитивные и коммуникативные потребности разных типов языковых личностей. Сравнительный анализ трех дискурсов выявляет не только количественные различия в частотности форм, но и качественный сдвиг в функции грамматического выражения желаний.

Грамматический профиль лексемы «хотеть» представлен в таблице 1. Приведены как нормативные грамматические формы глагола, так и инновации, зафиксированные в корпусах.

¹ Все данные Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru) приводятся по состоянию на 11.05.2025.

Таблица 1. Грамматический профиль лексемы «хотеть»

Словоформа	Детская речь, количество вхождений	Детская речь, % от общего количества форм	Устная речь, количество вхождений	Устная речь, % от общего количества форм	Электронная коммуникация, количество вхождений	Электронная коммуникация, % от общего количества форм
1	2	3	4	5	6	7
хочу	111	48,3	37	28,7	48	30,0
хочет	30	13,0	5	3,9	44	27,5
хочешь	30	13,0	6	4,7	16	10,0
хотел	22	9,6	28	21,7	8	5,0
хотят	9	3,9	6	4,7	9	5,6
«хочат»	6	2,6	–	–	–	–

Окончание таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7
хотела	5	2,2	17	13,2	15	9,4
хотите (изъяв. накл.)	5	2,2	8	6,2	7	4,4
хотели	3	1,3	8	6,2	7	4,4
«хочете»	3	1,3	–	–	–	–
«хотит»	2	0,9	–	–	–	–
«хочут»	2	0,9	–	–	–	–
хотело	1	0,4	–	–	–	–
хоти	1	0,4	–	–	–	–
хотим	–	–	14	10,9	3	1,9
«хоч»	–	–	–	–	2	1,3
«хочууууууу»	–	–	–	–	1	0,6

В детской речи парадигма этого глагола сводится к минимальному, функционально ориентированному ядру с абсолютным доминированием формы 1 л. ед. ч. «хочу». Эта форма выступает универсальным инструментом для выражения ситуативной потребности: *Я не **хочу** тратить время на игране! Я **хочу** тебе объяснить о... Я так **хочу**.*

Формы 2-го и 3-го л. ед. ч. («хочешь», «хочет») используются преимущественно для уточнения причин и мотивов чужих действий, часто через призму одушевления предметов: *Об утке: Она **хочет** на электричке поехать. Проходи, баб, я мост задержу, а то он **хочет** развехаться;* или координации своих: *(Протягивает конфету) **Хочешь** угостю? **Хочешь**, я покажу тебе, в каких это нотах?*

Значимо наличие грамматических инноваций («хочат», «хочут», «хочете», «хотит»), совокупная доля которых достигает 6 %. Эти формы свидетельствуют, что грамматическое значение (выражение желания множественного субъекта, например) усваивается раньше, чем материальный показатель формы: *Они **хочат** поехать. – Хотят. – Да баб! (с возмущением) **Хочат** – это ещё правильное слово!*

Отсутствие формы «хотим» является лакуной, отражающей, вероятно, коммуникативно-когнитивное ограничение: невостребованность грамматического значения коллективного желания (воспринимаемого как собственное) в картине мира ребенка.

В устной речи взрослых профиль лексемы «хотеть» перестраивается, демонстрируя большую сбалансированность и рефлексивность. Хотя «хочу» сохраняет лидерство, его доля существенно снижается за счет роста форм прошедшего времени («хотел» – 21,7 %, «хотела» – 13,2 %). Эти формы используются как для рассказа о прошлом опыте, так и в качестве вежливых формул сослагательного наклонения: *Миша **хотел** его в Еткуль... И так, с чего бы я **хотел** начать? Я **хотел** бы поблагодарить свою любимую команду.*

Появление и значимая частотность формы «хотим» (10,9 %) акцентируют способность говорящего выступать от лица коллектива, отсутствующую

в детском грамматиконе: *Что мы **хотим** получить, в конце концов?*

В цифровом дискурсе наблюдается поляризация профиля: доминируют формы, ориентированные на экспрессивное самовыражение («хочу» – 30 %) и обсуждение мотивов других («хочет» – 27,5 %): *Не **хочу** больше работать – **хочу** больше зарабатывать! Целимся в универ. Если не потянем, **хочет** тогда с колледжа начать, а потом доучиваться.* Фиксируются креативные орфографические искажения, выполняющие функцию эмоционального усиления («хочууууууу», «хоч»): *Молодцы :) Посмотрела я на ваши фотки и взгрустнула: на дачу **хочуууууууу** хнык.*

Формы множественного числа (в том числе «хотим») и формы прошедшего времени оказываются низкочастотными в электронной коммуникации. Это может свидетельствовать о роли лексемы в грамматиконе цифровой личности как инструмента для индивидуализации высказывания и эмоциональной самопрезентации в режиме «здесь и сейчас». Такая функциональная специализация слова созвучна с его ролью в речи ребенка: хотя востребованность глагола «хотеть» в детской речи заметно выше, чем в электронной коммуникации, в обоих типах дискурса наблюдаются схожие грамматические профили лексемы (ср. доминирование формы 1-го л. ед. ч., малую востребованность форм прошедшего времени и множественного числа).

Таким образом, грамматический профиль глагола «хотеть» выступает индикатором когнитивно-коммуникативных характеристик языковой личности. Дети используют формы глагола для непосредственного волеизъявления, взрослые – для рефлексии и групповой идентификации, а носители цифрового дискурса – для экспрессивной самопрезентации и комментирования. Лакуны в каждом случае маркируют границы и зоны развития актуального грамматикона.

Профиль глагола «смотреть» (табл. 2) демонстрирует, как изменяется функциональная нагрузка грамматических форм в зависимости от коммуникативных задач, стоящих перед языковой личностью.

Таблица 2. Грамматический профиль лексики «смотреть»

Словоформа	Детская речь, количество вхождений	Детская речь, % от общего количества форм	Устная речь, количество вхождений	Устная речь, % от общего количества форм	Электронная коммуникация, количество вхождений	Электронная коммуникация, % от общего количества форм
смотри	175	72,0	5	16,1	2	2,4
смотреть	21	8,6	8	25,8	27	32,1
смотрите (повелит. накл.)	14	5,8	–	–	7	8,3
смотрели	7	2,9	1	3,2	2	2,4
смотрю	6	2,5	6	19,4	10	11,9
смотрел	8	3,3	4	12,9	11	13,1
смотрят	3	1,2	1	3,2	5	6,0
смотрит	3	1,2	2	6,5	5	6,0
смотрим	3	1,2	1	3,2	–	–
смотрела	2	0,8	1	3,2	7	8,3
смотришь	1	0,4	2	6,5	1	1,2
«см»	–	–	–	–	4	4,8
смотря	–	–	–	–	1	1,2
смотримое	–	–	–	–	2	2,4

В детской речи наблюдается предпочтение формы повелительного наклонения «смотри» всем остальным. Данная форма выполняет побудительную функцию, являясь основным средством привлечения внимания к себе или объекту: **Смотри, крабовые сомики! Смотри, какой мухоморик! Лёв, смотри, какой песочный водопад (ссыпает песок с возвышения)! Другие формы парадигмы практически менее востребованы, что может свидетельствовать о функциональной специализации глагола в детском грамматиконе.**

Форма 2 л. мн. ч. «смотрите» используется как обращение к нескольким людям, участвующим в коммуникации, т. е. выступает в той же роли, что и форма «смотри»: **Смотрите, какой! Смотрите, какой шарик чистенький. Смотрите, какие у меня широкие руки и ноги!**

Остальные формы настоящего и прошедшего времени встречаются редко (в совокупности менее 15 %), что говорит не столько о неразвитости системы времен и лиц в грамматиконе ребенка (в корпусе представлены все формы кроме 2 л. мн. ч. наст. вр., которая в принципе является лакуной детской речи (см. об этом [Коновалова, Красноперова 2020]), сколько о доминирующей функции этого глагола как контактоорганизующего в детской коммуникации и, соответственно, востребованного именно в формах повелительного наклонения.

В устной речи взрослых грамматический профиль диверсифицируется. Доля императива «смотри» снижается, уступая лидерство инфинитиву «смотреть» и форме 1-го л. «смотрю». Расширяется спектр значений глагола – от физического восприятия до интеллектуальной оценки: **Я смотрю немножко по-другому, я смотрю, что должны быть заданы определённые правила.** Появляются формы прошедшего времени, используемые как для описания действий в прошлом, так и для рефлексии собственного опыта: **Темой нашего «круглого стола» будет простой вопрос ... / и я бы пошире смотрел / как вообще вопрос участия и взаимодействия ... А он / значит / так профессионально оценил / долго долго смотрел и спросил...**

Доля формы повелительного наклонения «смотри» заметно снижается, форма «смотрите» не используется, что связано с более частотным использованием в устной речи вежливых форм и конструкций, а не прямых команд, а также, вероятно, с размером выборки. Глагол «смотреть» в повелительном наклонении приобретает контактоподдерживающую функцию: **Нет / ну смотри / всё-таки хорошо / что пришла эта девочка.** В речи взрослых глагол «смотрите» используется не только в разных грамматических, но и в нескольких лексических значениях (в детской речи глагол используется преимущественно в прямом значении). Зависимость грамматического оформления многозначной лексики от конкретного ее значения нуждается в отдельном исследовании.

В цифровом дискурсе инфинитив «смотреть» становится доминантной формой, выполняя, в частности, рекомендательную функцию в составе модальных конструкций: **Фильм смотреть не стоит.** Эти рекомендательные конструкции снижают употребление формы мн. ч. «смотрите» как конкурирующей по значению и значительно уменьшают использование формы ед. ч. повелительного наклонения «смотри» как прямой команды, невостребованной вне непосредственного диалогического взаимодействия: **Некрасов, не смотри треть (часть фильма). Тока ты смотри не заболей.**

Характерно появление в электронной коммуникации сокращений («см» – 5 %), используемых как метатекстовые маркеры: **Об этом я уже писала (см. ниже).**

Эволюция грамматического профиля глагола «смотреть» может рассматриваться как переход от директивного взаимодействия с миром у детей к рефлексивному его осмыслению у взрослых и далее – к рекомендательно-оценочной функции в условиях текстоцентричной цифровой коммуникации.

Анализ глагола «любить» позволяет проследить, как грамматическая парадигма лексики (табл. 3) используется для выражения эмоционального отношения на разных этапах развития языковой личности.

Таблица 3. Грамматический профиль лексемы «любить»

Словоформа	Детская речь, количество вхождений	Детская речь, % от общего количества форм	Устная речь, количество вхождений	Устная речь, % от общего количества форм	Электронная коммуникация, количество вхождений	Электронная коммуникация, % от общего количества форм
люблю	65	51,2	7	24,1	26	38,2
любит	28	22,1	6	20,7	15	22,1
любят	17	13,4	3	10,3	7	10,3
любишь	9	7,1	1	3,5	–	–
любил	4	3,2	2	6,9	–	–
любить	2	1,6	3	10,3	7	10,3
любим	1	0,8	2	6,9	2	2,9
любите (изъяв. накл.)	1	0,8	2	6,9	–	–
любила	–	–	2	6,9	5	7,4
любимое	–	–	1	3,5	–	–
любили	–	–	–	–	4	5,9
любил	–	–	–	–	1	1,5
любящий	–	–	–	–	1	1,5

В детской речи ядром грамматического профиля лексемы является форма «люблю», что соответствует эгоцентрическому характеру общего эмоционального выражения чувств ребенка: *Я не люблю синий цвет! Я люблю светлые: ора-анжевый, зелёный, си-иний. Я люблю, когда интересно. Я очень люблю кабачки. Я мечтаю об них! Знаешь, баб, я гречку в чём-то люблю (немного).* Последний пример демонстрирует характерный для детской речи функциональный синкретизм: попытка дифференциации испытываемого чувства выражается добавлением к тому же глаголу лексического маркера, а не заменой его более подходящим.

Формы 3 л. ед. и мн. ч. используются для описания отношений одушевленных и неодушевленных субъектов: *Нет, он ещё не любит! Это будет маленький волчонок, он Бабу Ягу любит, но иногда он теряет. А медвежонки любят кушать! Вещи любят, когда с ними хорошо относятся.* Формы прошедшего времени и инфинитива, требующие развитой временной рефлексии, остаются низкочастотными.

В устной речи взрослых грамматический профиль становится сбалансированным. Наряду с формой настоящего времени «люблю» активно используются формы прошедшего времени для осмысления имеющегося у говорящего эмоционального

опыта: *Я их всегда, с детства любила.* Появляется форма 1 л. мн. ч., выражающая групповую солидарность: *мы вас очень любим и уважаем, все мы альпинисты, мы все любим горы;* и форма 2 л. мн. ч. как этикетное обращение: *Диана, скажите, а вы вообще любите русскую классическую литературу?*

В цифровом дискурсе, как и в детской речи, наблюдается доминирование формы «люблю», что может быть связано со спецификой самопрезентации в блогах и социальных сетях: *Люблю свою профессию, люблю школу, люблю детей!* Однако сохраняется и разнообразие форм, характерное для взрослой речи, включая использование форм прошедшего времени и инфинитива в составе сложных конструкций: *Да и любить мужчины могут по настоящему!!!!*

Грамматический профиль глагола «любить» демонстрирует изменение функций лексемы от непосредственного эмоционального выражения к рефлексивному осмыслению чувств и далее – к стратегиям эмоциональной самопрезентации в цифровой среде.

Анализ падежно-числового профиля существительного «мама» (табл. 4) показывает, как грамматическое освоение ключевого концепта отражает изменение его места в картине мира языковой личности.

Таблица 4. Грамматический профиль лексемы «мама»

Словоформа	Детская речь, количество вхождений	Детская речь, % от общего количества форм	Устная речь, количество вхождений	Устная речь, % от общего количества форм	Электронная коммуникация, количество вхождений	Электронная коммуникация, % от общего количества форм
мама	98	68,1	3	37,5	44	44,9
мамой	11	7,6	1	12,5	5	5,1
мам (зват. п., ед. ч.)	10	6,9	2	25	3	3,1
мамы (р. п., ед. ч.)	8	5,6	1	12,5	13	13,3
маме (д. п., ед. ч.)	8	5,6	–	–	6	6,1
маму	5	3,5	1	12,5	9	9,2
мамы (им. п., мн. ч.)	4	2,8	–	–	13	13,3
мам (р. п., мн. ч.)	–	–	–	–	2	2,0
«ма-ма»	–	–	–	–	1	1,0
мамам	–	–	–	–	1	1,0
мамами	–	–	–	–	1	1,0

В детской речи доминирует форма им. п. ед. ч. «мама», что отражает номинативную функцию слова – называние основного действующего лица в окружении ребенка: *Мама говорит, что, когда собака лижет – это она гладит. Мама пошла, что-то вкусное купит, чтоб нам было вкусно праздновать! Мама мне его расчистит и даст!* Падежный репертуар ограничен, формы используются для коммуникации с субъектом действия и описания совместных действий: *Мам, давай пароль договоримся (о пароле)! Мам, ты ещё не уходила (не ушла)? Да вот с мамой разговариваем. Мы вчера с мамой смешились. Вот так (этой дорогой) мы с папой, и с мамой, и со мной в театр шли...*

В устной речи взрослых заметно возрастает роль звательной формы «мам», что свидетельствует о востребованности не только номинативной, но и коммуникативной функции лексемы в этом дискурсе: «*Мам, выкини, пожалуйста...*» (разговор на кухне). Именительный падеж сохраняет ведущую

Таблица 5. Грамматический профиль лексемы «машина»

Словоформа	Детская речь, количество вхождений	Детская речь, % от общего количества форм	Устная речь, количество вхождений	Устная речь, % от общего количества форм	Электронная коммуникация, количество вхождений	Электронная коммуникация, % от общего количества форм
машина	95	45,0	1	14,3	3	15,8
машину	22	10,4	4	57,1	8	42,1
машины (им. п., мн. ч.)	21	10,0	–	–	–	–
машине (пр. п., ед. ч.)	18	8,5	1	14,3	5	26,3
машин	18	8,5	–	–	–	–
машины (р. п., ед. ч.)	14	6,6	1	14,3	1	5,3
машины (в. п., мн. ч.)	10	4,7	–	–	1	5,3
машинам	7	3,3	–	–	–	–
машиной	3	1,4	–	–	–	–
машине (д. п., ед. ч.)	1	0,5	–	–	–	–
машинах	1	0,5	–	–	–	–
машинами	1	0,5	–	–	1	5,3

В детской речи наблюдается неожиданно широкий падежный репертуар – 8 падежных форм при доминировании именительного падежа. Эта лексема часто используется в различных игровых и бытовых контекстах: *Машина едет по шоссе. Чего мы сюда пришли? Машина чего-то запищала... Люди дома живут, а машины в гараже. А водители в машине. Машины, не едьте! Он залез в машину. Я покрыл машины сеткой, чтобы на них пыль не сыпалась. Это такой турникет, где сдают машины.* Такое падежное разнообразие может объясняться специфической ролью этой и подобных ей лексем в актуальном грамматиконе детей. Существительное «машина» помогает ребенку освоить грамматическое значение падежно-числовой формы в «предметном измерении», соответствующем его представлениям о связи слова и вещи [Гридина 2016: 49], выступая своеобразным тренажером для освоения формообразования.

В устной речи взрослых происходит резкая функциональная редукция – профиль сводится практически к 1–2 формам. Форма винительного падежа «машину» используется в прагматических контекстах манипуляции с объектом: *Он подходит, поднимает передние лапы и в машину! и он в машину!* Сама лексема «машина» в выбранном корпусе нечастотна, дальнейший анализ ее грамматического

профиля предполагает расширение корпусной выборки.

В цифровом дискурсе наблюдается наиболее разнообразный падежный профиль существительного «мама». Лидирует форма им. п. ед. ч. «мама», но используется и форма им. п. мн. ч. «мамы», обозначающая социальную группу: *Здравствуйте, уважаемые мамы подростков!* Звательная форма маргинализируется, что закономерно для письменной асинхронной коммуникации.

Изменение профиля данной лексемы связано с переходом от номинации ключевого субъекта (в детской речи) к функции установления контакта (во взрослой устной речи) и далее – к функции социальной идентификации в условиях сетевого общения.

Профиль существительного «машина» (табл. 5) демонстрирует интересную динамику – от максимального падежного разнообразия в детской речи к функциональной редукции у взрослых.

профиля предполагает расширение корпусной выборки.

В цифровом дискурсе лексема частотнее, а падежный репертуар разнообразнее в контекстах обсуждения покупки, ремонта, оценки и использования автомобиля: *Велик мне до армии так и не купили... и я начал покупать мотоциклы, в заключение я и вовсе приобрел машину. Так вот мы сидели в машине и нам было слышно как училка орет на детей. Машина на газовых стойках, с пробегом 45000 км, бошевским инжектором и свечами.*

Грамматический профиль этого существительного демонстрирует переход от многоаспектного освоения объекта в детской речи к утилитарно-прагматическому объектному использованию его в речи взрослых и цифровом дискурсе.

Обсуждение результатов: динамика грамматического мышления

Проведенный сравнительный анализ грамматических профилей пяти лексем, входящих в актуальный грамматикон ребенка, позволяет с помощью частных фактов прояснить некоторые механизмы работы актуального грамматикона, демонстрируя его динамическую природу и способность к адаптации.

Сопоставление данных о грамматическом профиле лексемы в детской речи и речи взрослых подсвечивает закономерности развития грамматического мышления, отмечавшиеся в рамках онтолингвистических исследований [Гвоздев 2007; Цейтлин 2009; Гридина 2016; 2017]. Детский грамматикон характеризуется функциональным синкретизмом: ограниченный набор высокочастотных форм, каждая из которых выполняет максимально широкий спектр коммуникативных задач. Ярким примером служит доминирование в актуальном грамматиконе формы «хочу», выступающей универсальным средством выражения потребности, и императива «смотри», используемого преимущественно для побуждения к конкретному физическому действию.

Этот синкретизм напрямую связан с когнитивными лакунами, «особенностями ... мышления и уровнем языковой компетенции» детей [Гридина 2016: 34]. Низкая частотность форм множественного числа, преобладание форм настоящего времени над формами прошедшего у глаголов в актуальном грамматиконе – все это указывает на неостребованность и неразвитость абстрактных категорий коллективности и временной рефлексии в речи ребенка. При этом деятельностный характер освоения языка, на который указывал еще А. А. Потебня, проявляется как в освоении нормы, так и в активном конструировании грамматической формы в опоре на освоенные образцы (см. грамматические инновации). Грамматический профиль слова становится одним из инструментов наблюдения над развитием грамматической способности.

Переход к взрослой речи характеризуется дифференциацией грамматического инструментария. Профили всех исследуемых лексем демонстрируют как выравнивание частотности форм, так и расширение их парадигмы. Формы прошедшего времени, инфинитива, множественного числа занимают значимое место в устной речи, обеспечивая возможности для рефлексии, абстрагирования и выражения групповой идентичности. Грамматикон взрослого становится сбалансированным инструментом, способным обслуживать разнообразные коммуникативные практики – от бытового диалога до публичного выступления.

Сопоставление данных устной речи взрослых и цифрового дискурса выявляет не менее значимую тенденцию, связанную с функциональной специализацией грамматикона под влиянием коммуникативной среды.

Цифровой грамматикон демонстрирует сочетание редукции отдельных форм и использование инноваций как замены других. С одной стороны, наблюдается преобладание коммуникативно наиболее релевантных форм: винительный падеж («машину») актуализирует объектно ориентированный характер обсуждения; формы 1-го и 3-го л. глаголов («хочу», «хочет») доминируют в практике самопрезентации и комментирования. С другой стороны, формируются новые, специфические для письменной интернет-коммуникации формы, такие как метатекстовое сокращение «см» или орфо-

графические усилители («хочууууууу»).

Значимым индикатором трансформации является смена лакунарных форм. Если в детской речи лакуны имеют скорее когнитивную природу (неосвоенные грамматические значения и категории), то в цифровом дискурсе они отражают изменение коммуникативных целей и норм. Резкое сокращение звательной формы «мам» и императива «смотри» и «смотрите» демонстрирует снижение роли непосредственной адресации и побуждения в пользу более опосредованных и описательных стратегий в электронной коммуникации.

Лакуны, выявленные в грамматических профилях лексем, рассматриваются как значимые маркеры, указывающие на грамматические способы осмысления действительности, которые оказываются неостребованными в той или иной когнитивной или коммуникативной системе. Анализ этих лакун позволяет диагностировать не только состояние грамматической компетенции, но и стоящие за ней когнитивные и прагматические ограничения. Таким образом, грамматический профиль доказывает свою эвристическую ценность как инструмент наблюдения и измерения динамического процесса работы грамматикона в разных условиях его функционирования.

Заключение

Ключевая идея исследования состоит в синтезе философско-лингвистической теории А. А. Потебни с современной корпусной методологией. Эмпирическая верификация деятельности концепции языка осуществлялась через анализ грамматических профилей ключевых лексем в трех типах дискурса. Это позволило выявить конкретные наблюдаемые закономерности работы грамматического мышления.

Актуальный грамматикон может рассматриваться как операционализация идеи А. А. Потебни о «слагающей деятельности языка». Грамматикон предстает не как статичный набор правил, а как динамическая функциональная система, находящаяся в состоянии постоянной адаптации к меняющимся коммуникативным потребностям.

Грамматический профиль слова доказывает свою эффективность в качестве диагностического инструмента. Анализ профилей лексем, входящих в актуальный грамматикон ребенка, позволяет выявить ядро грамматической компетенции, зоны лакунарности и дискурсивно-специфические особенности, демонстрируя измеряемые параметры грамматического мышления.

Сравнительный анализ выявил системные различия в структуре и функционировании лексем актуального грамматикона в разных типах дискурса:

- детской речи свойственны функциональный синкретизм словоформ, их эгоцентрическая ориентация и наличие грамматических инноваций;
- устная речь взрослых демонстрирует сбалансированность грамматической парадигмы и появление у грамматических форм новых функций: рефлексивности и способности к выражению групповой идентичности;

– цифровой дискурс характеризуется поляризацией и специализацией: гипертрофией коммуникативно релевантных форм, редукцией прямых побудительных конструкций и появлением новых креативных форм.

Лакуны в грамматическом профиле являются маркерами, указывающими как на когнитивные

ограничения (в онтогенезе), так и на трансформацию коммуникативных норм (в цифровую эпоху). Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением круга исследуемых лексем, включением социолингвистических переменных и изучением динамики грамматических профилей.

Литература

Анализ грамматического частотного профиля лексем корпуса детской речи как метод изучения развития речи в норме и при первичном недоразвитии речи у дошкольников / А. Н. Корнев, И. Балчюниене, М. Д. Воейкова [и др.] // Новые информационные технологии в автоматизированных системах. – 2016. – № 19. – С. 33–38. – EDN VTZNXX.

Виноградов, С. Н. К вопросу о системе категориальных значений частей речи в современном русском языке / С. Н. Виноградов // Национальные коды в языке и литературе. Современные языки в новых условиях коммуникации : сборник статей по материалам Международной научной конференции «Национальные коды в языке и литературе», Нижний Новгород, 12–13 марта 2019 года. – Нижний Новгород : Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2019. – С. 31–37. – EDN UNQPDM.

Гвоздев, А. Н. Вопросы изучения детской речи / А. Н. Гвоздев. – Санкт-Петербург : Детство-Пресс, 2007. – 472 с.

Гридина, Т. А. «Своя игра»: ребенок в мире языка : монография / Т. А. Гридина. – Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2016. – 177 с. – EDN WXXWUR.

Гридина, Т. А. Актуальная грамматика детской речи: когнитивные модели семантизации и механизмы порождения словоформ / Т. А. Гридина // Языковая личность: аспекты изучения : сборник научных статей памяти члена-корреспондента РАН Юрия Николаевича Караулова. – Москва : ООО «МАКС Пресс», 2017. – С. 110–122. – EDN ZEDRAZ.

Звегинцев, В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1 / В. А. Звегинцев. – Москва : Просвещение, 1964. – 466 с.

Караулов, Ю. Н. Ассоциативная грамматика русского языка / Ю. Н. Караулов. – Москва : Издательство ЛКИ, 2018. – 328 с.

Караулов, Ю. Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности / Ю. Н. Караулов // Русский ассоциативный словарь. Т. I. От стимула к реакции / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева [и др.]. – Москва : Астрель ; АСТ, 2002. – С. 750–782.

Коновалова, Н. И. Актуальный грамматикон языковой личности: проблема моделирования / Н. И. Коновалова, Е. С. Красноперова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2020. – № 3. – С. 6–14. – DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-6-14. – EDN LTUZIQ.

Ляшевская, О. Н. Корпусные инструменты в грамматических исследованиях русского языка / О. Н. Ляшевская. – Москва : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2014. – 520 с.

Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития / С. О. Савчук, Т. А. Архангельский, А. А. Бонч-Осмоловская [и др.] // Вопросы языкознания. – 2024. – № 2. – С. 7–34. – DOI: 10.31857/0373-658X.2024.2.7-34. – EDN AATSXV.

Норман, Б. Ю. Жизнь словоформы : учебное пособие / Б. Ю. Норман. – Москва : Флинта ; Наука, 2016. – 213 с.

Норман, Б. Ю. Лексическая и грамматическая семантика: корпусное статистическое исследование лексико-семантических групп / Б. Ю. Норман, М. Ю. Мухин // Сибирский филологический журнал. – 2018. – № 3. – С. 178–191. – DOI: 10.17223/18137083/64/17. – EDN XZEUYR.

Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике. Об изменении значения и заменах существительного : в 2 ч. Часть 1 / А. А. Потебня. – Москва : Издательство «Юрайт», 2025. – 265 с.

Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике. Об изменении значения и заменах существительного : в 2 ч. Часть 2 / А. А. Потебня. – Москва : Издательство «Юрайт», 2025. – 274 с.

Потебня, А. А. Мысль и язык. Избранные работы / А. А. Потебня. – Москва : Издательство «Юрайт», 2025. – 238 с.

Харченко, В. К. Корпус детских высказываний / В. К. Харченко. – Москва : Издательство Литературного института им. А. М. Горького, 2012. – 519 с. – EDN QWWRCF.

Харченко, В. К. Словарь детской речи / В. К. Харченко. – Белгород, 1994. – 254 с.

Цейтлин, С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи / С. Н. Цейтлин. – Москва : Знак, 2009. – 592 с. – (Studia philologica). – EDN RWKCTL.

Krasnoperova, Ye. S. Grammatical Lacunae of the Associative-Verbal Network: Data of Children's Speech and the National Russian Corpus / Ye. S. Krasnoperova, N. I. Konovalova // International Scientific Conference “Digitalization of Education: History, Trends and Prospects” (DETP 2020) : Proceedings of the International Scientific Conference “Digitalization of Education: History, Trends and Prospects” (DETP 2020), Yekaterinburg, 23–24 апреля 2020 года. Vol. 437. – Ekaterinburg : Atlantis Press, 2020. – P. 287–291. – DOI: 10.2991/assehr.k.200509.052. – EDN HCKTNF.

References

Gridina, T. A. (2016). «Svoya igra»: rebenok v mire yazyka = “Own game”: A child in the world of language. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 177 p. EDN WXXWUR.

Gridina, T. A. (2017). Aktual'naya grammatika detskoj rechi: kognitivnye modeli semantizatsii i mekhanizmy porozhdeniya slovoform = Actual grammar of children's speech: Cognitive models of semantics and mechanisms of word form generation. *Linguistic personality: Aspects of learning*, 110–122. Moscow: MAKS Press. EDN ZEDRAZ.

Gvozdev, A. N. (2007). Voprosy izucheniya detskoj rechi = Questions of studying children's speech. Saint Petersburg: Detstvo-Press, 472 p.

Karaulov, Yu. N. (2002). Russkij assotsiativnyj slovar' kak novyy lingvisticheskiy istochnik i instrument analiza yazykovoy sposobnosti = Russian associative dictionary as a new linguistic source and tool for analyzing linguistic ability. *Russian associative dictionary (vol. I. From stimulus to reaction)*, 750–782. Moscow: Astrel Publishing House; AST Publishing House.

Karaulov, Yu. N. (2018). Assotsiativnaya grammatika russkogo yazyka = Associative grammar of the Russian language. Moscow: LKI Publishing House, 328 p.

Kharchenko, V. K. (1994). Slovar' detskoj rechi = Dictionary of children's speech. Belgorod, 254 p.

Kharchenko, V. K. (2012). Korpus detskikh vyskazyvaniy = The corpus of children's sayings. Moscow: Publishing House of the Gorky Literary Institute, 519 p. EDN QWWRCF.

Konovalova, N. I., Krasnoperova, E. S. (2020). Aktual'nyy grammatikon yazykovoy lichnosti: problema modelirovaniya = Actual grammaticon of linguistic personality: The problem of modeling. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology*, 3, 6–14. DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-6-14. EDN LTUZIQ.

Kornev, A. N., Balchunene, I., Voeikova, M. D. et al. (2016). Analiz grammaticheskogo chastotnogo profilya leksem korpusa detskoj rechi kak metod izucheniya razvitiya rechi v norme i pri pervichnom nedorazvitiy rechi u doshkol'nikov = Analysis of the grammatical frequency profile of the lexeme corpus of children's speech as a method for studying speech development in normal and primary speech underdevelopment in preschoolers. *New Information Technologies in Automated Systems*, 19, 33–38. EDN VTZNXX.

Krasnoperova, Ye. S., Konovalova, N. I. (2020). Grammatical Lacunae of the Associative-Verbal Network: Data of Children's Speech and the National Russian Corpus. *International Scientific Conference "Digitalization of Education: History, Trends and Prospects" (DETP 2020) (vol. 437)*, 287–291. Ekaterinburg: Atlantis Press. DOI: 10.2991/assehr.k.200509.052. EDN HCKTNF.

Lyashevskaya, O. N. (2014). Korpusnye instrumenty v grammaticheskikh issledovaniyakh russkogo yazyka = Corpus tools in grammatical studies of the Russian language. Moscow: V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences, 520 p.

Norman, B. Yu. (2016). Zhizn' slovoformy = The life of the word form. Moscow: Flinta Publishing House; Nauka Publishing House, 213 p.

Norman, B. Yu., Mukhin, M. Yu. (2018). Leksicheskaya i grammaticheskaya semantika: korpusnoe statisticheskoe issledovanie leksiko-semanticheskikh grupp = Lexical and grammatical semantics: a corpus statistical study of lexico-semantic groups. *Siberian Journal of Philology*, 3, 178–191. DOI: 10.17223/18137083/64/17. EDN XZEUYF.

Potebnya, A. A. (2025). Iz zapisok po russkoy grammatike. Ob izmenenii znacheniya i zamenakh sushchestvitel'nogo: v 2 ch. Chast' 1 = From notes on Russian grammar. On changing the meaning and substitutions of the noun, in 2 parts (part 1). Moscow: Yurayt Publishing House, 265 p.

Potebnya, A. A. (2025). Iz zapisok po russkoy grammatike. Ob izmenenii znacheniya i zamenakh sushchestvitel'nogo: v 2 ch. Chast' 2 = From notes on Russian grammar. On changing the meaning and substitutions of the noun, in 2 parts (part 2). Moscow: Yurayt Publishing House, 274 p.

Potebnya, A. A. (2025). Mysl' i yazyk. Izbrannye raboty = Thought and language. Selected works. Moscow: Yurayt Publishing House, 238 p.

Savchuk, S. O., Arkhangelsky, T. A., Bonch-Osmolovskaya, A. A. et al. (2024). Natsional'nyy korpus russkogo yazyka 2.0: novye vozmozhnosti i perspektivy razvitiya = The National corpus of the Russian language 2.0: New opportunities and prospects for development. *Questions of Linguistics*, 2, 7–34. DOI: 10.31857/0373-658X.2024.2.7-34. EDN AATSXV.

Tseitlin, S. N. (2009). Ocherki po slovoobrazovaniyu i formoobrazovaniyu v detskoj rechi = Essays on word formation and form formation in children's speech. Moscow: Znak Publishing House, 592 p. EDN RWKKTLL.

Vinogradov, S. N. (2019). K voprosu o sisteme kategorial'nykh znacheniy chastey rechi v sovremennom russkom yazyke = On the issue of the system of categorical meanings of parts of speech in modern Russian. *National codes in language and literature. Modern languages in the new conditions of communication*, 31–37. Nizhny Novgorod: N. I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University. EDN UNQPDMM.

Zvegintsev, V. A. (1964). Istoriya yazykoznaneya XIX–XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh. Ch. 1 = The history of linguistics of the 19th–20th centuries in essays and extracts (part 1). Moscow: Prosveshchenie Publishing House, 466 p.

Данные об авторе

Красноперова Евгения Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и русского языка, Уральский государственный педагогический университет, Российская Федерация, г. Екатеринбург, evgenia113@gmail.com

Author's information

Krasnoperova Evgeniya Sergeevna – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of General Linguistics and Russian Language, Ural State Pedagogical University, Russian Federation, Ekaterinburg

Дата поступления: 18.11.2025; дата публикации: 31.03.2026

Date of receipt: 18.11.2025; date of publication: 31.03.2026